

Записки Филипа Филиповича Вигеля

Части 5-7

УДК 93
ББК 63.3
3-32

3-32 Записки Филипа Филиповича Вигеля: Части 5-7 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 764 с.

ISBN 978-5-458-48421-3

ISBN 978-5-458-48421-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть Англинскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ Великобританской правительственной машины, верхъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ новыхъ своихъ теорій. Онъ былъ начитанъ, много писалъ, любилъ поавторствовать и, родясь на ступеняхъ трона, походилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ, всегда замышляющихъ похитить верховную власть. Но онъ былъ скромень, осторожень, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи не испугали его, и когда послѣ взятія Бастиліи, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій, послѣднее убѣжище нашель онъ въ Англии, и тамъ вблизи могъ любоваться искусственнымъ устройствомъ ея, которое, къ несчастію такъ много плѣняетъ знакомыхъ мнѣ умнѣйшихъ людей. На гостепріимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи, еслибъ она соблаговолила его призвать. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое—плодъ долготѣйшихъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвелла имъ взлелѣянное. Оно не спасло Франціи отъ вторженія Наполеона и скорѣе открыло ему путь въ нее; но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Въ свободѣ Англии видятъ обыкновенно главный источникъ ея богатства и могущества. Тамъ, гдѣ вся земля принадлежитъ малому числу большихъ владѣльцевъ и каждый изъ нихъ, по прихоти, можетъ лишить живущаго на ней клочка земли, который питаетъ его съ семействомъ; тамъ, гдѣ съ одной стороны горы золота, а съ другой голодъ, вѣчно ему покорствующій; тамъ, гдѣ содержатель фабрики, высылая изъ нея работника, произноситъ ему смертный приговоръ: не знаю, можно ли почитать тамъ людей свободными? Лорды держатъ народъ, какъ охотники собакъ на сворѣ: онъ рвется, лаютъ; а попри- тьяни ихъ немного, они тотчасъ уймутся. Столько же было свободы и едва ли не болѣе въ Венеціанской республикѣ, гдѣ ея вовсе не было. Нѣтъ, Англія сильна безпредѣльною властію, которою пользуются въ ней олигархія рода и аристократія золота; она сильна мѣстностями положенія своего; особенно же она сильна тѣмъ, что всегда свято хранила преданія древности, всегда ихъ держалась, что народная ея гордость всегда

чуждалась подражанія; что всѣ законы, всѣ учрежденія ея суть произведенія собственной почвы и ни у кого не заимствованы. И не безразсудно ли взять за образецъ страну, съ которой другія не могутъ имѣть ничего общаго? Народы, точно также, какъ всякій человѣкъ въ особенности, также какъ звѣри и растенія, имѣютъ различныя сложеныя и склонности. Всякому свое: то, что губительно для пальмы, сохраняетъ березу, и наоборотъ. Одинаковая ли температура нужна бѣлому медвѣдю и Африканскому льву?

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Вѣнчанная мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что подобно Англіи, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства, сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого кипучаго народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежъ. Десятки лѣтъ прошли, и съ каждымъ годомъ видимъ мы, что оно становится все хуже.

Заблужденія императора Александра истекали изъ самаго чистаго источника. Никогда еще не было на тронѣ монарха, оживленнаго столь горячею, столь искреннею любовію къ человѣчеству. Еще въ отроческомъ возрастѣ наставникъ его, Швейцарецъ Лагарпъ, увѣрилъ его, что совершенная свобода есть высочайшее благо для людей. Но видно, что въ отчизнѣ его не слишкомъ ею дорожили: ибо вольные жители горъ, Альпійскіе пастухи цѣлыми тысячами продавали себя иноземнымъ владыкамъ и за деньги проливали кровь свою. Союзная съ нимъ Англія и окружавшіе его совѣтники, ей преданные, утвердили въ немъ желаніе сдѣлаться благодѣтелемъ Россіи, даровавъ ей представительное правленіе. Тильзитъ, который такъ напрасно клянемъ мы, все пріостановилъ. Коль же скоро стали замѣтны несогласія его съ Наполеономъ, явился Нѣмецкій баронъ Штейнъ уполномоченнымъ отъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ тайныхъ обществъ. Черезъ него возносили они мольбы свои къ нему, вопили о спасеніи, увѣряя, что не переставали почитать его свободолюбцемъ и видѣть въ немъ будущаго спасителя Германіи. Тогда свобода сдѣлалась для него не только цѣлю, но обратилась и въ средство, и на побѣдоносномъ пути его до Парижа вездѣ встрѣчали его съ вѣнками въ рукахъ. Въ стихахъ и прозѣ превозносили его; поэтъ Раупахъ изобразилъ его въ трагедіи своей *Timoleon der Befreuer*.

Подъ Французскимъ игомъ, для Нѣмцевъ ненавистнымъ, распространились между ними Французскія революціонныя идеи. Очень искусно научились они смѣшивать слово независимость (что предпола

гаетъ освобожденіе отъ чуждой власти) со словомъ свобода. Нѣмецкіе владѣтельные князья, дабы болѣе возбудить ихъ къ возстанію, обѣщали имъ дарованіе многихъ правъ и вольностей по окончаніи войны. Нужно ли все это было, когда честь и самохраненіе Пруссіи и здравая политика Австріи повелѣвали къ намъ присоединиться, когда не народы, а правительства и войска одинъ за другимъ приставали къ намъ? Наполеонъ на островѣ Св. Елены говорилъ: «Я воевалъ съ Европой для поддержанія монархическаго правила, цари побѣдили меня именемъ народной свободы; они жестоко въ томъ будутъ раскаиваться». И дѣйствительно послѣ его шумно-грозно-созидательнаго вѣка наступило тихо-разрушительное время. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что первые годы послѣ Наполеона были пора посѣва; черезъ пятнадцать лѣтъ все выросло, созрѣло: горе тѣмъ, которые доживутъ до жатвы.

Англія стояла тогда на вершинѣ могущества своего, блистала величіемъ и богатствомъ, сіяла злобною радостію при видѣ нестерпимыхъ мукъ, на кои осудила безсмертнаго своего противника и, дружески улыбаясь неискуснымъ своимъ подражателямъ, не переставала твердить имъ о свободѣ. Въ странѣ, гдѣ именемъ свободы совершены были неслыханныя злодѣянія, попираемо все священное для людей, разрушены алтари, изгнана вѣра Христова, въ этой странѣ единокровные преемники ея жертвъ провозгласили права ея неоспоримыми. И, наконецъ, богоподобный человѣкъ, который сдѣлался первымъ въ Европѣ и въ мірѣ, всенародно исповѣдывалъ любовь свою къ ней! Послѣ того имя ея признано равнымъ именамъ божества и добродѣтели. Что говорю я? Оно стало выше ихъ. Передъ нимъ всѣ преклоняли головы, и оно сдѣлалось священнымъ для всѣхъ, даже для насъ, которые прежде никогда не произносили его не отъ страха, а отъ невѣдѣнія.

Трудно мнѣ изобразить, какимъ непріятнымъ образомъ былъ я изумленъ, оглушенъ новымъ, непонятнымъ сперва для меня языкомъ, которымъ все вокругъ меня заговорило. Молодость всегда легковѣрна и великодушна, и первая вспыхнула отъ прикосновенія электрическаго слова. Довольно скромно позволялъ я себѣ входить въ сужденія съ молодыми воинами; куды тебѣ! Названія запоздалаго, старовѣра, гасильника такъ и посыпались на меня, и никѣмъ не поддержанный я умолкъ. Любопытно и даже забавно было видѣть иныхъ людей, въ характерѣ которыхъ была рѣзкая противоположность съ правилами, которыя вдругъ начали они поддерживать: изъ раболѣпства стали они прикидываться свободомыслящими. Напримѣръ, старый министръ Козодавлевъ, который всегда смотрѣлъ, откуда при дворѣ дуетъ вѣтеръ, находилъ въ Крыловѣ холопскія чувства, въ Крыловѣ, который въ

басняхъ своихъ насказалъ такъ много смѣлыхъ истинъ, едва завѣшивъ ихъ наготу полупрозрачными прекрасными своими покровами. На дачѣ у себя, передъ всѣми высшими властями пресмыкающійся Уваровъ слѣдующимъ лѣтомъ принималъ насъ въ павильонѣ, посвященномъ памяти Штейна и названномъ его именемъ. Александръ хлебнулъ, и опьянѣли дворъ, гвардія и столица его.

Вообще съ удивленіемъ замѣтить должно, что почти во всѣхъ земляхъ обыкновенно высшее сословіе или аристократія производили народныя возстанія и направляли ихъ противъ законной высшей власти. Не говоря уже о революціи 89 года, которую раздували дюки и маркизы, во время Фронды, знатныя дамы, даже принцессы Монпансье, Лонгевиль принимали сильнѣйшее участіе въ возмущеніяхъ. Въ Нидерландахъ Эгмонтъ и Горнъ были не простые люди; Польшу всегда волновали магнаты; въ Римѣ принчипе, гордые и праздные, всегда непокорны и если въ Венгріи случится бѣда, то навѣрное предсказать можно, что безпокойства произведены будутъ знатнѣйшими ея богачами. Эти люди, ближе другихъ окружая тронъ и ближе другихъ видя слабости сидящихъ на немъ, менѣе всѣхъ уважаютъ ихъ и болѣе всѣхъ завидуютъ имъ. Безразсудные! Стремясь изсушить единственный источникъ ихъ благъ, они неизбежно ведутъ согражданъ къ демократіи, для нихъ губительной, истребительной. А тамъ приходитъ раскаяніе; потерявъ или, лучше сказать, погубивъ головы Людовика XVI-го и Маріи Антоанетты, роялисты плакали по волосамъ ихъ.

Въ одной Россіи это дѣло кажется невозможнымъ; попытались было бояре, послѣ смерти Петра II-го, облечься въ верховную власть; но царелюбивый народъ Русскій присталъ даже къ Нѣмцамъ, чтобы свергнуть ихъ. Тутъ дѣло было совсѣмъ иное: изъ угожденія къ царской прихоти, можетъ быть, скоро преходящей, нѣкоторые вельможи стали восхвалять свободу. Если первые были преступны, то послѣдніе подлы: одни искали власти, а другимъ хотѣлось только милостей, повышенія.

Важную ошибку на Вѣнскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи Австрійскаго императора попрежнему Римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между Нѣмецкими государствами и повелѣвать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ Римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ. Италія то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на главномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе

сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, послѣ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (*feuilles volantes*), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Мелкіе государи сихъ особняковъ не въ силахъ были противиться подданнымъ, которые требовали исполненія данныхъ обѣщаній: подай имъ конституцію, да и только! Одни уступили ранѣе, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба народа съ правительствомъ. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома; еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ Германскихъ странахъ. Непоколебимая въ системѣ управленія своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совсѣмъ не ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ, присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго нанизаны разнородныя королевства гораздо обширнѣе и многолюднѣе его, казался также смѣшною несообразностью. Латинское названіе сіе, пережившее Римское величіе и для потомства служащее его изображеніемъ, прилично только западнымъ и восточнымъ наслѣдникамъ Августовъ и Кесарей. Владѣеть ли онъ старымъ или новымъ Римомъ или довольно силенъ, чтобы имѣть справедливыя притязанія на вѣчные грады, гдѣ временно только господствуютъ тіара и чалма, тотъ только безъ стыда можетъ носить названіе, котораго нѣтъ выше въ мірѣ. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли, что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго и, разсѣдненные Вѣнскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши самодержцемъ Всероссійскимъ? Никогда еще столь великодушнаго ослѣпленія не было видано. Неизвѣстно, кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Александра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Стоило только поприлежнѣе прочитать Русскую Исторію, чтобы найти въ ней оправданіе, или, по крайней мѣрѣ, извиненіе сему великому злодѣянію. Въ самой цвѣтущей молодости, когда первыя впечатлѣнія такъ

сильно дѣйствуютъ на сердце и на воображеніе, Польша Нарышкина и Полякъ Чарторижскій дали познать ему любовь и дружбу. Привязанность къ нему Польскихъ его подданныхъ представлена ими какъ невольное сердечное влеченіе, тогда какъ въ Русской добродушной преданности видѣлъ онъ простое исполненіе обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ, съ новою силой обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него (еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлать себя отъ нея), ни ужасы и опустошенія, которыя ровно черезъ двѣсти лѣтъ повторили они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что, будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость. Онъ былъ остороженъ и неторопливъ въ исполненіи важныхъ предпріятій своихъ: приобрѣтенное имъ по трактатамъ Польское Царство первое хотѣлъ онъ подвергнуть испытанію конституціоннаго правленія. Желая исподоволь новыхъ подданныхъ своихъ ознакомить со свободой, но зная всю невоздержность Поляковъ, зная, какъ готовы они предаваться всякаго рода упоеніямъ и опасаясь, чтобы они не слишкомъ стали упиваться сей сладкой отравой, вмѣсто противоядія поставилъ онъ межъ ними брата своего Константина.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавалъ онъ для Россіи. Это самое, надобно думать, омрачило веселіе, которое безъ того встрѣтило бы его вторичный возвратъ изъ Парижа. Отнюдь не будучи свободомыслящимъ, я, можетъ быть, одинъ въ воспріятіи титула Царя Польскаго видѣлъ событіе счастливое для Россіи и основаніе новаго для нея величія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что Польша къ Россіи должна быть въ томъ же отношеніи, какъ при Наполеонѣ Италія была къ Франціи: она граничитъ съ Нѣмецкими владѣніями и, по примѣру Наполеона, Государь можетъ сдѣлаться главою Германскаго союза. Или, думалъ я, Польша будетъ главнымъ звѣномъ той цѣпи, которая потянется отъ нея направо и налево и составлена будетъ изъ единокровныхъ ей и намъ Славянскихъ государствъ. Опираясь на Россію, какъ на огромную скалу, они сами, какъ рядъ твердынь, будутъ защищать ее отъ нападеній западныхъ народовъ.

Какъ ошибался я! И какъ все это далеко было отъ мысли Александра! Слава какъ будто прискучила ему; онъ желалъ еще добра, но не искалъ за него возмездія межъ людей и почиталъ себя стражемъ, котораго Всевышній поставилъ для сохраненія мира мірови. На высотѣ

счастія и успѣховъ внезапно овладѣло имъ уныніе; онъ, весь любовь, испыталъ неблагодарность людей, коимъ благотворилъ, и правительствъ, коихъ былъ искреннимъ и мощнымъ союзникомъ. Можетъ быть, онъ возненавидѣлъ бы родъ человѣческій; новое чувство, которое тогда наполнило его душу, не допустило его до того. Любовь къ Богу всегда болѣе утверждаетъ въ любви къ человѣчеству. Онъ былъ расположенъ къ религіозной мечтательности и во время послѣднихъ странствованій его, къ сожалѣнію, встрѣтилъ онъ одну краснорѣчивую женщину, которая умѣла передать ему свое нео-христіанское ученіе. Это была знаменитая баронесса Крюднеръ *), урожденная Фитингофъ, вдова Русскаго посланника въ Берлинъ, писательница, великая грѣшница, раскаявшаяся, какъ Магдалина и изъ свѣтской женщины обратившаяся въ площадную проповѣдницу. Въ городахъ и въ селахъ, на открытомъ воздухѣ, на распутіяхъ произносила она трогательныя рѣчи народу, и цѣлыя толпы его слѣдовали изъ мѣста въ мѣсто за новой пророчицей. Изъ многихъ владѣній была она изгоняема и, наконецъ, въ Россіи нашла убѣжище и могилу.

Я старался помѣстить въ этой главѣ все то, что при началѣ 1816 года было, такъ сказать, въ зернѣ и, постепенно развиваясь, въ послѣдствіи причинило намъ такъ много горестей и бѣдствій. Въ сей главѣ объясняется многое, что читатель далѣе можетъ встрѣтить въ сихъ Запискахъ.

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семъ 1816 году пришла эпоха жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ бесполезной, какъ было дотолѣ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. «Вы теперь ничего не дѣлаете; не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? Представляется къ тому случай», сказалъ онъ мнѣ. «Слыхали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? Онъ въ большой довѣренности у Государя и по части механики можно почитать его Европейскою знаменитостью. Число фальшивыхъ ассигнацій умножилось; надобно перемѣнить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и Государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Черезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую пе-

---

*) Не надобно смѣшивать ее съ другою госпожею Крюднеръ, также великой грѣшницей, Нѣмкой, которая гораздо послѣ нея въ Россію къ намъ пожаловала.

реписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка Русскаго, ни Русскихъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ Французскій и Русскій языки и на котораго бы могъ онъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о пріисканіи ему такового: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадритѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства. Я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ обѣщать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ; пройдетъ недѣли двѣ-три, не болѣе и вы увидите, полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы официально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ, назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики, можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ это нисколько не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ въ Коммисіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться».

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ. Онъ усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговорился, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будетъ немного. Затруднительно было только каждую бумагу писать вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того, чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ по-поламъ листѣ, на одной половинѣ Французское подписывалъ Бетанкуръ, а на другой Русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ номеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился геніальности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ былъ онъ лицо весьма примѣчательное, особен-

но же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предразсудковъ съ плебейскими промышленными наклонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все, что мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Неподалеку отъ Лилля, во Французской Фландріи, и повнынѣ можно найти городокъ или селеніе Бетанкуръ. Предки Русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно, что за люди были эти *сиры*. Когда, при герцогахъ Бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать, и приняты сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ вооруженною рукою дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, грабительство свое по сосѣдству перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшого Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло взоры свои и на его пространство единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обманулось: еще до Христофора Колумба и Васко-де-Гамы, смѣлыми Португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго мыса, Мадера и Асорскія острова, и розданы имъ. Морякъ Бетанкуръ одинъ изъ сихъ острововъ съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались Гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетанкуръ родился на счастливомъ Tenerifскомъ Никѣ, въ счастливые для Гишпаніи дни короля Карла III.

Есть искусство въ время родиться и въ время умирать, въ числѣ другихъ Бетанкуръ имѣлъ и это искусство. Что бы было съ нимъ, еслибы родился онъ ранѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ. Заботясь о благѣ государства своего, Карлъ III устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ каналы и чистилъ Гвадалквивиръ, однимъ словомъ создавалъ въ Гишпаніи все то, чего ей не доставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетанкуръ провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго Мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ Французскою республикой, и Гишпанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетанкуръ воспользовался тѣмъ, чтобъ посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ

начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полагать должно, не выше того, что у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадридѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостоль и, желая угодить Государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ III, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои и предвидя бѣду неминуемую, самъ, наконецъ, предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ, какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма, по условію ему назначенная, была не маловажная: двадцать четыре тысячи рублей ассигнаціями, что нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыплютъ нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: Гишпанскому гранду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать; безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шестидесяти тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ, что въ землѣ, куда онъ пріѣхалъ, чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генераль-маіоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая, что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генераль-лейтенантомъ. Не помню за что, Государь пожаловалъ ему Аннинскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая, что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и на оборотъ Государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова, равно какъ и ордена Ависа, Алкантары, Калатравы, Монтеса, суть военно-монашескія братства, разсѣянныя по Португаліи и Гишпаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не виню его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на Югѣ и на Западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, не трудно было потомку владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться къ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ